

Елена
Арсеньева

Госпожа
сочинительница

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Елена Арсеньева
Костер неистовой любви
(Марина Цветаева)
Серия «Госпожа сочинительница»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161327

Арсеньева Е. Госпожа сочинительница: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-13155-8

Аннотация

Главное предназначение женщины – заботиться о муже и детях, вести домашнее хозяйство. А если этого мало? Если в сердце горит огонь творчества, если любовное чувство выражается в виде поэтических строк? Для таких дам один путь – заняться литературой. Но на этом пути встречается столько терний и невзгод, что судьбам поэтесс позавидовать трудно. И все же – они прекрасны! О том, как жили и творили Зинаида Гиппиус, Каролина Павлова, Марина Цветаева и другие, прославившие себя в веках поэтессы, читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Елана Арсеньева

Костер неистовой любви

(Марина Цветаева)

Как-то раз, туманным ноябрьским вечером 1924 года, на Карловом мосту, что над рекой Влтавой в Праге, стояла, низко перегнувшись через перила, какая-то женщина и смотрела на воду. В этот поздний, очень поздний час больше ни одного человека не оказалось ни на мосту, ни на набережной, и некому было или удивиться: «Что она там высматривает, ведь ничего не видно!» – или встревожиться: «Не задумала ли недоброе?»

На эту женщину смотрел лишь каменный всадник по имени рыцарь Брунsvик. Его статуя находилась не на самом мосту, а ниже у реки, однако он часто видел здесь эту женщину. Он ей нравился, и знаменитый пражский рыцарь знал это (если статуи, конечно, могут что-то знать). Она смотрела в его суровое и задумчивое каменное лицо с дружеской улыбкой и что-то тихонько шептала. Однажды она пришла с каким-то мужчиной и показывала ему Брунsvика, словно знакомила со своим другом. И сказала:

– Я люблю его. Он очень похож на меня!

Мужчина рассмеялся. А рыцарь, пожалуй, обиделся бы – если бы каменные статуи могли обижаться. Ну что за глупо-

сти, как он мог быть на нее похож?!

На ее узких губах, которые беспрестанно шевелились (женщина была говорлива), лежала легкая усмешка. У нее был отрешенный взгляд, но иногда он менялся, становился цепким, вдумчивым – если тот, с кем она шла, оказывался достоин всматривания и сочувствия.

У нее были стриженные темно-русые волосы и короткая челка на лбу. Руки – сильные, с широкими ладонями, с пальцами, на которых виднелись следы чернил и желтизна от табака. Да, она много курила, каким-то непостижимым образом выдыхая через ноздри слоистые голубоватые дымные кольца. На руках женщина носила массивные серебряные кольца и браслеты, которые начинали тревожно позвякивать, когда она доставала папиросу, вставляла ее в деревянный мундштук... Она была тонка, невелика ростом и одета так небрежно, как одеваются женщины либо с недостатком средств, либо те, которые думают, что внешность не имеет никакого значения, а гораздо важнее совсем иное...

Эта женщина думала именно так. К тому же она и в самом деле была бедна.

Прошлой осенью рыцарь видел ее особенно часто. Тогда она приходила тоже поздним-поздним вечером, когда набережные пустели, и вот так же перевешивалась через перила Карлова моста. И непонятно было, хочет ли она рассмотреть что-то внизу или набирается решимости кинуться с моста.

Тогда... тогда, ровно год назад, она пыталась рассмотреть,

как выглядит вода, в которую ей так хочется броситься. Но было страшно сделать это. И она шептала, молила, напряженно вглядываясь в шевеленье темных волн:

– Вода, поднимись, возьми меня!

Потом переставала шептать и глядела вниз еще напряженней: не услышала ли вода? Не поднимается ли?

Вода то ли не слышала, то ли не хотела отзываться. Тогда женщина начинала молить снова и снова, громче и громче, однако Влтава не отвечала, медленно струила дальше свои темные, закованные в камень воды.

Может быть, Влтава не понимала чужого языка? Ведь эта женщина была не чешка, а русская.

А впрочем, что за разница, на каком языке зовут смерть как последнее спасение от любви? Да, эта женщина хотела умереть потому, что любила слишком сильно, потому, что сильно любили ее...

Странно, диковинно, невероятно! Такой любви надо радоваться, ведь правда?

Вся беда этой женщины заключалась в том, что она не умела радоваться любви. Она умела только страдать. И если жизнь доставляла ей слишком мало страданий (а между тем жизнь никогда не была к ней ласкова и добра, только и знала, что терзала ее да мучила!), она умела создавать себе страдания сама.

Именно сердечные страдания.

Без горя, без боли, без разорванного в клочки сердца

жизнь ей была не мила. Без слез, без отчаяния она не умела и не хотела жить.

Тысячи обычных, нормальных людей сочли бы эту женщину, конечно, сумасшедшей. Никто же не стремится страдать по доброй воле!

Вообще-то ей еще с детства частенько говорили по тому или иному поводу:

– Да ведь никто так не делает!

На что она отвечала упрямо:

– А я – *кто!*

Так она и жила. И именно поэтому год назад она хотела умереть от любви к человеку по имени Константин Родзиевич.

Впрочем, сколько Марина себя помнила (а женщину звали Мариной), она всегда мечтала о смерти – не только в самые мучительные, но и в самые счастливые минуты жизни, а главное, когда что-то только начиналось в жизни... Наверное, потому, что очень боялась разочароваться в ней, перестать ее любить. И кто бы мог поверить, что в день, когда ей сравнялось семнадцать, она напишет такие стихи-молитву:

Христос и Бог! Я жажду чуда.

Теперь, сейчас, в начале дня!

О, дай мне умереть, покуда.

Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:

«Терпи, еще не кончен срок».

Ты сам мне поддал – слишком много!
Я жажду сразу – всех дорог!
Всего хочу: с душой цыгана.
Идти под песни на разбой.
За всех страдать под звук органа.
И амазонкой мчаться в бой;
Гадать по звездам в черной башне.
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой – день вчерашний.
Чтоб был безумьем – каждый день!
Люблю и крест, и шелк, и краски.
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство – лучше сказки.
И дай мне смерть – в семнадцать лет!

А ровно за год до этого Марина писала одному своему знакомому, которого звали Петр Юркевич, признаваясь, что ей страшно хочется умереть рано, пока еще нет устремления на покой, на отдых, «вниз». «Вниз» – означало «постареть». А потому, как только к ней явился извечный женский страх надвигающихся лет (вообще-то всегда кажется, что постареть может кто угодно, только не я, но, с другой стороны, старухами ведь не рождаются... значит, и они были когда-то молоды, какой кошмар!), она написала стихотворение-мечту:

Хорошо быть красивыми, быстрыми.
И, кострами дразня темноту.
Любоваться безумными искрами.

И как искры сгореть – на лету!

Марина, надо сказать, не очень-то любила выражать свои мысли, как все люди, – обычными словами. Строго говоря, она даже не умела этого делать. Потому что она была поэтессой. Нет, она не любила слово «поэтесса» – она была поэтом. Причем именно *была* – с тех пор, как родилась. Даже ее бедная, рано умершая матушка удивлялась тому, с какой любовью четырехлетняя дочка Муся складывает слова в рифмы – тогда, когда другие девочки просто и мило играют в куклы.

Какое счастье, что Мария Александровна Цветаева умерла прежде, чем успела понять, что ее Муся никогда не станет простой и милой, зато всю жизнь будет играть, играть, играть – своей жизнью и жизнями других людей, своим сердцем и сердцами других людей, мужчин или женщин – совершенно неважно! Она хотела владеть всеми, кто ей нравился... Нет, теми, кого она любила, потому что к людям она могла относиться только так: или люблю, или *не* люблю. Живой это оказывался человек, которого она могла знать, говорить с ним или осязать его, или выдуманный, – для Марины не имело ровно никакого значения. На самом-то деле она выдумывала себе вообще *всех* людей, которых встречала на своем пути.

Вы, идущие мимо меня.

К не моим и сомнительным чарам, —

Если б знали вы, сколько огня.

Сколько жизни, растроченной даром.

И какой героический пыл.
На случайную тень и на шорох... —
И как сердце мне испепелил.
Этот даром истраченный порох!
О летящие в ночь поезда.
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда.
Не узнали бы вы – если б знали —
Почему мои речи резки.
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски.
В голове моей светловолосой.

Довольно скоро она это поймет, но от себя ведь не убежишь, такой ее создали боги – такой она и останется навсегда!

Но вернемся назад, в детство, к выдуманным (а выдуманным ли?) любовям и безумным страстям.

Как-то раз отец Марины – а он, надо сказать, был человек ученый и образованный, много путешествовал, привозил из своих странствий разные редкости для создаваемого им в Москве, на Волхонке, Музея изящных искусств и на дочерей своих, на Марину и ее сестру Анастасию, Асю, особенно много внимания не обращал, может быть, не столько оттого, что был очень занят, а оттого, что они были рождены его второй женой, а не первой, не той, которую он безумно любил всю жизнь и даже после ее смерти, заставляя мучиться и

ревновать к прошлому несчастную Марию Александровну, – ну вот, как-то раз ее отец, Иван Владимирович Цветаев, вошел в комнату своей юной дочери и увидел... увидел, что в киоте¹ над ее письменным столом нет иконы, а находится там... портрет Наполеона! И другими портретами Наполеона оклеены все стены комнатки!

Всегда мягкий и добрый, очень снисходительный, Иван Владимирович потерял голову от злости.

– Сумасшедшая! Это святотатство! – закричал он и потянулся сорвать портрет со стены.

Что тут стало с Мариной! Ее зеленые глаза побелели от безумной ярости. Она схватилась за свечу и поднесла к своим коротким легким волосам. Она не сказала ни слова, но отец понял: подожжет себя – и ни на миг не задумается.

Он бросился вон из комнаты, до смерти испуганный. Испуганный даже не тем, что могло сейчас произойти, а тем, что прозрел душу своей дочери, понял страшную истину: ни жизнь, ни смерть – ничто для нее не значат, а значит – *всё!* – только любовь.

«Когда жарко в груди, в самой грудной ямке (всякий знает!) и никому не говоришь – любовь. Мне всегда было жарко в груди, но я не знала, что это – любовь».

Странная она была девочка, что и говорить...

Одноклассницы-гимназистки втихомолку посмеивались над Мариной. Ей не шла гимназическая форма, а за школь-

¹ Киот – специальное, богато украшенное обрамление иконы.

ной партией ей было тесно... Впрочем, она была хорошенькая, со своим нежным, «жемчужным», цветом лица, рассеянным взглядом близоруких глаз с золотистым отблеском сквозь прищуренные ресницы. Ее короткие русые волосы мягко ложились вокруг головы и округлых щек. Походка была легкая, неслышная. «Как у призрака! – презрительно говорили одноклассницы. – Она как-то внезапно, вдруг появится перед вами, скажет несколько слов и снова исчезнет!» Вообще-то этой легкости ее движений девочки просто завидовали. Так же, как завидовали и смелости: гимназию она посещала с перерывами: походит несколько дней, и опять ее нет. А потом смотришь, вот она снова сидит на самой последней парте (седьмой в ряду) и, склонив голову, читает книгу. Да, она неизменно читала или что-то писала на уроках, явно безразличная к тому, что происходит в классе. Преподаватели давно махнули на нее рукой и даже замечаний не делали (из уважения к отцу), но они ведь не знали, да и никто, кроме сестры Аси, не знал, что Марина в это время готовит свою первую книгу стихов.

Наконец она собрала все стихотворения, которые ей больше всего нравились, назвала сборник «Вечерний альбом» и отнесла в типографию Мамонтова в доме номер пять по Леонтьевскому переулку. Она заказала напечатать пятьсот экземпляров и заплатила за них. Приблизительно через месяц, в конце октября 1910 года, сборник вышел в свет...

О том, что в названии был секретный смысл, знали толь-

ко Марина, ее сестра Ася (она знала о Марине все) и еще один человек по имени Владимир Оттович Нилендер. Он был старше Марины на девять лет – филолог, ученик Ивана Владимировича Цветаева, поэт, страстный любитель античности. Он переводил «Фрагменты» Гераклита Эфесского – того самого, который сказал великие слова: «Нельзя вступить в тот же самый поток дважды...»

Так вот, Владимир Нилендер был в Марину влюблен и даже сделал ей предложение. Но ей было лишь семнадцать, и меньше всего на свете она хотела стать чьей-то женой, чьей-то матерью... вообще *чьей-то*... Она не принадлежать хотела, а владеть! Словом, Владимиру Нилендеру она отказала и написала об этом стихи (ведь все мало-мальски значительные и даже случайные события ее жизни были для нее лишь материалом для стихов):

Ты всё мне поведал – так рано!

Я всё разгадала – так поздно!

..

Темнеет... Захлопнуты ставни.

На всем приближение ночи...

Люблю тебя, призрачно-давний.

Тебя одного – и навек!

Неправда, неправда! Марина его скоро забудет, не зря же и стихотворение называлось – «На прощание»... А в память об этой любви останется название книги: «Вечерний аль-

бом» – ведь именно так называли Марина и Ася темно-синий кожаный альбом, который они подарили Владимиру Оттовичу на Новый, 1910 год, записав туда свои беседы с ним...

Марина молила бога: «Дай не тень мне обнять, наконец!», и, конечно, понимала, что Нилендер и любовь к нему – такие же «тени», как и все ее прежние любви: к Наполеону, в девочке-родственнице Нине Иловайской, к мальчику Нино из романа Генриха Манна «Богини»... Ах, если бы кто так любил ее, так же принимал всю, как Нино принимал герцогиню де Асси, не смущаясь никакими ее поступками, зная, что все, что она делает, нужно и должно для нее...

Любить Марину *так же* – значило дать ей полную свободу жить и чувствовать как ей хочется, поступать как заблагорассудится, считаться только с ней. Марина тогда еще не знала (а может быть, и знала, но даже от самой себя это скрывала), что станет таким тираном в чувствах, что даже Нерон покажется рядом с нею мальчиком из церковного хора, что сделается она такой эгоистичной собственницей, что и Скупой рыцарь будет выглядеть на ее фоне как щедрый благотворитель и альтруист!

Летом 1911 года ей покажется, что она нашла наконец такую любовь и такого человека.

Само собой разумеется (и такова природа человека), что все мы считаем хорошими прежде всего тех, кто к нам хорошо относится. Но поэты – *ох уж эти поэты!* – делят людей

на добрых и злых, друзей и врагов совсем по другому принципу. Добрые, друзья – это те, кому нравятся их стихи. Ну а те, кто смеет их не любить, кому они, великие, не нравятся, – враги, конечно, и самые злодейские злодеи.

Максимилиана Волошина Марина стала считать своим другом тотчас, как только прочитала его имя под рецензией на «Вечерний альбом».

«Это очень юная и неопытная книга... Многие стихи, если их раскрыть случайно, среди книги, могут вызвать улыбку. Ее нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая строчка будет понятна и уместна. Она вся на грани последних дней детства и первой юности. Если же прибавить, что ее автор владеет не только стихом, но и четкой внешне-стью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг, то это укажет, какую документальную важность представляет эта книга, принесенная из тех лет, когда обычно слово еще недостаточно послушно, чтобы верно передать наблюдение и чувство... „Невзрослый“ стих М. Цветаевой, иногда неуверенный в себе и ломающийся, как детский голос, умеет передать оттенки, недоступные стиху более взрослому... „Вечерний альбом“ – это прекрасная и непосредственная книга, исполненная истинно женским обаянием».

Насчет юности и неопытности, насчет невзрослого стиха Марина легко пропустила мимо ушей, вернее, мимо глаз (о, она с младенчества научилась пропускать *мимо* все, вообще

все, что не будет соответствовать ее собственному представлению о себе!), но запомнила слова об истинно женском обаянии. И внезапно ощутила его в себе. И принялась сверкать им налево и направо, тратить его на всех встречных-поперечных, даже на того одиннадцатилетнего мальчика по имени Осман, который вдруг влюбился в нее в Гурзуфе... влюбился именно так, как Марина мечтала, как Нино любил герцогиню де Асси...

Конечно, не Осман с его детской любовью был ей нужен. Просто она словно бы сети закидывала, словно паутину ткала по всем направлениям, стремясь уловить в эти сети, в эту паутину любви, как писал Лев Толстой, всех и каждого, а на самом-то деле – только одного-единственного человека.

Его она встретила в Коктебеле, куда приехала погостить у доброго друга Макса Волошина.

О, это пустынное, полудикое место на берегу Черного моря, между Судаком и Феодосией... Поросшие мелким кустарником яйлы (так по-татарски называются желтые глинистые холмы, которыми покрыта округа), невероятная лазурь заливов и заливчиков, приникших к Карадагу – прекрасному горному массиву, рожденному на свет вулканом, его застывшей в причудливых формах лавой... Днем над Карадагом стоит огромное щедрое солнце, дельфины танцуют неподалеку от берега, бурными лунными ночами волны захлестывают берег, а тихими, жаркими – море фосфоресцирует, и тихо, тихо шепчет прибой, перебирая агаты и халцедоны,

которыми щедро усеяны берега и пляжи...

Волшебное место! Сказочное! Место для свершения чудес!

5 мая 1911 года здесь, в Коктебеле, произошло главное чудо жизни Марины.

1.

Есть такие голоса.

Что смолкаешь, им не вторя.

Что предвидишь чудеса.

Есть огромные глаза.

Цвета моря.

Вот он встал перед тобой:

Посмотри на лоб и брови.

И сравни его с собой!

То усталость голубой.

Ветхой крови.

Торжествует синева.

Каждой благородной веной.

Жест царевича и льва.

Повторяют кружева.

Белой пеной.

Вашего полка – драгун.

Декабристы и версальцы!

И не знаешь – так он юн —

Кисти, шпаги или струн.

Просят пальцы.

2.

Как водоросли Ваши члены.
Как ветви мальмэзонских ив...
Так Вы лежали в брызгах пены.
Рассеянно остановив.
На светло-золотистых дынях.
Аквамарин и хризопраз.
Сине-зеленых, серо-синих.
Всегда полузакрытых глаз.
Летели солнечные стрелы.
И волны – бешеные львы.
Так Вы лежали, слишком белый.
От нестерпимой синевы...
А за спиной была пустыня.
И где-то станция Джанкой...
И тихо золотилась дыня.
Под Вашей длинной рукой.
Так, драгоценный и спокойный.
Лежите, взглядом не даря.
Но взглянете – и вспыхнут войны.
И горы двинутся в моря.
И новые зажгутся луны.
И лягут радостные львы —
По наклоненью Вашей юной.
Великолепной головы.

В это нежное совершенство Марина влюбилась с первого взгляда. Сергей Эфрон был самым красивым мужчиной, которого она видела в жизни – наяву ли, во снах, на картинах!

Нет, он был еще не мужчина, он был еще мальчик, прекрасный юноша, воплощенная мечта. В нем не было грубой мужской силы, которую ненавидела и которой боялась Марина. Хоть она и молила, чтобы судьба дала ей обнять не тень, на самом-то деле она любила в жизни только театр теней, созданный ее воображением и далекий от реальности. Сергей был героем-любовником этого театра... впрочем, не героем (так показалось Марине, но тут она ошиблась) и не любовником (вот это вернее, это сначала обрадует ее, а потом станет причинять невероятную боль), а первым из череды тех печальных Пьеро, к которым ее будут бесконечно прибавлять волны жизни, пока она не встретит Арлекина... того самого, из-за которого захочет умереть на берегах Влтавы...

Однако это когда-а еще будет! Пока что она на берегах Черного моря и видит красивейшее в мире существо. И не знает, что с ним делать, будто с хрупкой игрушкой: то ли спрятать руки за спину (а вдруг эта совершенная красота сломается, исчезнет?), то ли схватить, прижать к себе, защитить? Еще ничего не зная о Сергее, она уже понимала, что душа его страдает, что он нуждается в защите и любви – такой любви, какую может дать ему только Марина!

Ну что ж, она угадала – жизнь его семьи была полна трагедий. Мать, Елизавета Петровна Дурново, русская дворянка, вышла замуж за еврея Якова Константиновича Эфрона, который в молодости входил в партию «Народная Воля», но, на счастье, вскоре простился с революцией навеки. Однако ею,

как дурной болезнью, заразилась Елизавета Петровна. Отсидела год в Бутырке, потеряла здоровье... Умер муж, погиб любимый сын Костик, и от горя Елизавета Петровна покончила с собой. Единственный брат Сергея Петр был болен туберкулезом. Впрочем, он и сам был болен... Зато с кем ему повезло, так это с сестрами – и Марина тоже подружилась с ними мгновенно.

Волшебное лето, которое началось любовью к Сергею, закончилось решением никогда больше не расставаться. Они вместе переехали в Москву, поселились в доме в Замоскворечье: жили сначала во грехе, а 27 января 1912 года обвенчались. Решение пожениться приняла Марина. Она же решила, что они всегда будут называть друг друга на «вы» (точно так же будет называть родителей и дочь Ариадна, Аля, которая родится в сентябре 1912 года, причем обращаться к матери она станет довольно странно: Марина, вы...)

За две недели до венчания Марина подписала в печать свой новый сборник стихов – «Волшебный фонарь», весь полный неистовой любви к Сергею.

Многие девушки, выйдя замуж, как бы не замечают этого, стремятся сохранить в себе прежнее, девичье. Другие радостно становятся женщинами, дамами, некоторые даже – бабами... Впрочем, некоторые мудрецы говорят, что люди не слишком-то меняются за жизнь: кем ты родился, тем и умрешь. Марина родилась ошалелой от любви, неистовой от собственного воображения девушкой. Такой ей суждено бы-

ло жизнь прожить, такой она и пошла на смерть. Однако она исполнила все ритуальные танцы, принятые в обществе: выйдя замуж, очень старалась от самой себя убежать!

Она даже стихи стала меньше писать. И радостно забыла о своей «гимназической внешности» (кстати, гимназию она так и не окончила) – об этом круглом и румянном детском своем лице, которое больше напоминало нелюбимую ею пушкинскую Ольгу, а не обожаемую Татьяну. Наконец-то Марина похудела, и если раньше она одевалась, не заботясь выбором фасона, то теперь проводила много времени у парикмахеров и портных. Она стала общительной, уверенной в себе и элегантной, она чуть ли не впервые в жизни не сомневалась в своей привлекательности. Правда, надолго ее не хватит, вскоре жизнь вернет былые сомнения...

Спустя месяц после венчания Сергей и Марина уехали в свадебное путешествие: Италия (Сицилия), Франция, Германия. Сергей остался путешествием недоволен, в письмах к сестрам сообщал, что он «в ужасе от Франции» и более мерзкой страны в жизни не видел: «Все в прошлом, и ничего в настоящем. Я говорю о первом впечатлении. В вагоне из десяти пар девять целовались. И это у них в центре всей жизни!»

Между прочим, *это* всю жизнь было в центре жизни его собственной жены, однако Сергей Эфрон так и не сможет ее понять. Изысканная игрушка безудержной Марининой страсти в начале их брака, рассудочно-отстраненный – в конце,

он никогда не сможет утолить им же разоженной плотской ее жажды. Он не был пылок, не был ненасытен – он был томен и в лучшем случае нежен. Марина любила его умом, сердцем, плотью, но плоть приходилось усмирять.

Это было трудно...

Мы с тобою – лишь два отголоска.

Ты затихнул, и я замолчу.

Мы когда-то с покорностью воска.

Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом.

Наши души терзало и жгло.

Оттого тебя чувствовать другом.

Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро.

И усталостью станет печаль.

Жаль не слова, поверь, и не взора, —

Только тайны утраченной жаль.

От тебя, Утомленный Анатом.

Я познала сладчайшее зло.

Оттого тебя чувствовать братом.

Мне порою до слез тяжело.

«Утомленным Анатомом» она называла Сергея за его страсть к тончайшему психоанализу – этим свойством обладают очень многие одинокие, обиженные жизнью люди. Но его пронизательности не хватило на то, чтобы понять собственную жену... Только потом, с годами, он узнает ее до

такой степени, что никаких тайн ни в одном ее порыве для него не останется. Он будет препарировать их с бесстрашием не просто анатома, а патологоанатома перед всяким, желающим о них знать! Однако в начале своей супружеской жизни Сергей Эфрон всерьез верил, что взял в жены этакую хлопотливую мамашу, ну, правда, молоденькую и хорошенькую, однако рожденную на свет лишь для того, чтобы носить на руках свое обворожительное великовозрастное дитя – мужа.

Что и говорить, Марина старательно лелеяла в нем это заблуждение.

Сначала она взяла фамилию Эфрон и даже подписывалась ею поначалу. Марина страстно желала раствориться в Сергее, одновременно прикрывая его своими крылышками... Вернее, крыльями («двумя пламенными крылами!»), весьма широкими – настолько, что их размахи задевали очень многих окружающих, близких и даже не очень близких людей.

Ее сестра Ася познакомилась с известным философом Василием Розановым. Марина узнала об этом и тоже вступила с ним в переписку (под благовидным предлогом – сообщить Розанову интересующие его сведения об Иване Владимировиче Цветаеве). Потом переписка стала более дружеской, более доверительной. Марина вообще всегда, всю жизнь была безудержно откровенна... Строго говоря, это свойство всех хороших поэтов, ведь за чужую душу берут только те стихи, в которых предельно обнажена твоя собственная душа,

остальное обман и подделка. Так вот, она была такой *раздетой* до биения сердца во всем: в стихах, разговорах и письмах, – ну и Розанову она очень скоро стала исповедоваться о своей семейной жизни.

«Моему мужу 20 лет. Он необычно и благородно красив, он прекрасен внешне и внутренне. Сережу я люблю бесконечно и навеки...»

Если бы Вы знали, какой это пламенный, великодушный, глубокий юноша! Я постоянно дрожу над ним. От малейшего волнения у него поднимается температура. Он – мой самый родной на всю жизнь. Я никогда бы не могла любить кого-нибудь другого, у меня слишком много тоски и протеста. Только при нем я могу жить так, как живу, – совершенно свободная. Никто – почти никто! – из моих друзей не понимает моего выбора. Выбора! Господи, как будто я выбирала!»

Я с вызовом ношу его кольцо!

– Да, в Вечности – жена, не на бумаге. —

Его чрезмерно узкое лицо.

Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз.

Мучительно-великолепны брови.

В его лице трагически слились.

Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.

Его глаза – прекрасно-бесполезны! —

Под крыльями распахнутых бровей —

Две бездны.

В его лице я рыцарству верна.

– Всем вам, кто жил и умирал без страху!

Такие – в роковые времена —

Слагают стансы – и идут на плаху.

Она любила, обожала. Она идеализировала Сергея, надеялась его чертами, быть может, не существующими, и, хотя в стихах воспевала его благородную мужскую отвагу, он был для нее прежде всего мальчиком, которому легче прощать все... Например, прохладно-братское отношение к телу жены... Благородному герою дозволено все, даже если его глаза – прекрасно-бесполезны!

А спустя некоторое время сестринско-материнская заботливость Марины о Сергее просто-таки вышла из берегов. У Сергея все еще не было аттестата зрелости, а без него невозможно было поступить в университет и он рисковал быть призванным на военную службу. Директор гимназии, где он хотел сдать экзамены, бесконечно уважал Розанова. Марина с милой непосредственностью попросила Розанова прислать директору его книгу «Опавшие листья» («с милой надписью») и письмо с упоминанием о Сережиной болезни, «о его желании поступить в университет, вообще – расхвалите». Марина была убеждена, что после этого директор позаботится, чтобы Сергей выдержал экзамены, независимо от его знаний...

Больше Розанов Марине не писал – видимо, испугался.

Вообще она почему-то считала себя всегда вправе даже не просить, а требовать от других помощи. Да, от своего неосознанного эгоцентризма, конечно. Она на все имела право!² Из-за этого некоторые люди воспринимали ее, мягко говоря, неоднозначно. Одна случайная знакомая отзывалась о Марине так:

– Очень красивая особа, с решительными, дерзкими до нахальства манерами... богатая и жадная, вообще, несмотря на стихи, – баба-кулак! Муж ее – красивый, несчастный мальчик Сережа – туберкулезный, чахоточный.

Человек многогранен, а другие видят в нас только то, что хотят видеть... Ну да, тени и свет в нас уживаются весьма причудливо!

Они жили... жили как все, со своими счастьями и несчастьями, со своими недоразумениями, непониманиями, обидами, которые в жизни прощались, но на бумаге, в часы тайных ночных бдений Марины наедине с пером, они превращались в страшные пророчества, которые сторицей вернутся когда-нибудь этой молодой, неопытной, глубоко чуждой друг другу паре.

Идите же! – Мой голос нем.

² Между прочим, Марина Цветаева, родившаяся в 1892 году, была, согласно китайскому гороскопу, Драконом, – при этом всю жизнь оставалась ярчайшим представителем этого знака, «которому принадлежит все, который владеет всем, который разрушает все».

И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем.
Не буду я права.
Я знаю: в этой битве пасть.
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть.
Я в мире не борюсь.
И не оспаривает Вас.
Высокородный стих.
Вы можете – из-за других —
Моих не видеть глаз.
Не слепнуть на моем огне.
Моих не чуют сил...
Какого демона во мне.
Ты в вечность упустил!
Но помните, что будет суд.
Разящий, как стрела.
Когда над головой блеснут.
Два пламенных крыла.

...В ночь под Новый, 1914 год в доме в Замоскворечье вдруг вспыхнул пожар – загорелась сажа в трубе. Вместо того чтобы пировать и праздновать, заливали вспыхнувшую кухню, а потом убрали грязь. Прислуга, конечно, была в ужасе: – Плохая примета! Быть беде!
Марина смеялась:
– Оставьте ваши костромские глупости!
Служанка, бывшая коренной москвичкой, обиделась:

– Дайте мне расчет! Уйду от вас! А вам, барыня, скажу: примета плохая! Как бы не помер кто в семье!

И мстительно покосилась на бледного Сергея, который только недавно вернулся из санатория, где лечил свои больные легкие.

Марина вспыхнула не хуже того пожара, выгнала служанку вон – сама выгнала, просто так уйти не дала, – однако призадумалась, хоть и считала себя неверующей. Да такой она и была и не скрывала этого. Например, в письме к Розанову, еще когда переписывалась с ним, признавалась таким горделивым полупешепотом:

«Слушайте, я хочу сказать Вам одну вещь, для Вас, наверное, ужасную: я совсем не верю в существование Бога и загробной жизни.

Отсюда – безнадежность, ужас старости и смерти. Полная неспособность природы – молиться и покоряться. Безумная любовь к жизни, судорожная, лихорадочная жадность жить...

Может быть, Вы меня из-за этого оттолкнете. Но ведь я не виновата. Если Бог есть – Он ведь создал меня такой! И если есть загробная жизнь, я в ней, конечно, буду счастливой.

Наказание – за что? Я ничего не делаю нарочно».

Ладно, бог богом – но всякие там черти – лешие – домовые – черные кошки... Мы все рождаемся с ощущением некоего суеверного страха в душе. Хотела Марина или нет, а о пророчестве сердитой служанки она теперь не могла пе-

рестать думать. Но поскольку, субъективно считая центром своей вселенной Сергея и Алю, она все же – независимо от себя, объективно! – по-прежнему была величайшей эгоцентристкой и все солнца, все планеты в мире вращались только вокруг нее, она снова задумалась о смерти. Причем не долгожданной, а – внезапной и даже нежеланной из-за своей внезапности и преждевременности. Все люди умирают...

Уж сколько их упало в эту бездну.
Разверзтую вдали!
Неужели и со мной это когда-нибудь произойдет?!
Настанет день, когда и я исчезну.
С поверхности земли.
Неужели такое возможно? Неужели?!
Застынет все, что пело и боролось.
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос.
И золото волос.
И будет жизнь с ее насущным хлебом.
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом.
И не было меня.
Изменчивой, как дети, в каждой mine.
И так недолго злой.
Любившей час, когда дрова в камине.
Становятся золой.
Виолончель, и кавалькады в чаще.
И колокол в селе... —

Меня, такой живой и настоящей.
На ласковой земле!
К вам всем – что мне, ни в чем не знавшей меры.
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованьем веры.
И с просьбой о любви.
И день и ночь, и письменно и устно:
За правду *да* и *нет*.
За то, что мне так часто – слишком грустно.
И только двадцать лет.
За то, что мне прямая неизбежность —
Прощение обид.
За всю мою безудержную нежность.
И слишком гордый вид.
За быстроту стремительных событий.
За правду, за игру... – Послушайте! —
Еще меня любите.
За то, что я умру.

Смерть, впрочем, ждала не ее, а другого человека. Однако она очень близко затронула Марину.

Ее любовь и любовь к ней Сергея была подвергнута первому и очень серьезному испытанию. Как ни странно, не безденежьем, не бытом, не трудностями рождения и воспитания первого ребенка – эти все трудности существовали и всегда будут существовать в их жизни, всегда будут их испытывать, еще и жесточе, чем других, – любовь была впервые испытана на прочность появлением между ними двумя – третьего.

О, о, о... Сколько таких *третьих* еще встанет между нами за те более чем тридцать лет, которые они проживут вместе... Однако небеса для начала подшутили весьма изощренно: первым в этой череде суждено было стать родному брату Сергея, Петру Эфрону. Он-то и упадет *в эту бездну, разверзтую вдали*, но заберет с собой немалую часть сердца Марины.

...Он, со своими тонкими чертами большеглазого лица, темными, словно бы всегда полузакрытыми веками, высоким лбом и впалыми щеками, очень худой, был и похож на Сергея, и не похож. Может быть, не столь ослепительно красивый, но еще более романтический и нежный. Беспомощный! Еще сильнее нуждающийся в защите!

Петр Эфрон, как выражались в старину, находился в последнем градусе чахотки. По восприятию Марины – стоял на грани между жизнью и смертью...

Он стал для нее нежным мальчиком, милым мальчиком, любимым мальчиком... Настолько тронувшим ее, что она поцеловала его – брата своего мужа – отнюдь не безгрешным сестринским поцелуем.

Ну да, все в мире принадлежало ей! И Петр тоже.

И на него, ошеломленного этой внезапной вспышкой любви, а значит – жизни, такой горячей, такой ускользающей от него, может быть, даже ненужной ему, на первого обрушилось то, чем Марина потом станет засыпать всех своих мужчин: лавина ошеломляющих писем, любовных призна-

ний, призванных внушить человеку, что он – единственный в жизни этой женщины. В те минуты, когда Марина писала свои письма, она не просто сама верила в то, что писала, – это истинно так и было.

«Откуда эта нежность – не знаю, но знаю – куда: в вечность!

Слушайте, моя любовь легка.

Вам не будет ни больно, ни скучно.

Я вся целиком во всем, что люблю.

Люблю одной любовью – всей собой – и березку, и вечер, и музыку, и Сережу, и Вас.

Я любовь узнаю по безысходной грусти, по захлебывающемуся: „ах!“

Вы для меня прелестный мальчик, о котором – сколько бы мы ни говорили – я все-таки ничего не знаю, кроме того, что я его люблю.

Вы первый, кого я поцеловала после Сережи. Бывали трогательные минуты дружбы, сочувствия, отъезда, когда поцелуй казался *необходимым*. Но что-то говорило: „нет!“

Вас я поцеловала, потому что не могла иначе.

Все говорило: „да!“

Мальчик мой ненаглядный!

Никогда никуда не уйду от Вас.

Началось с минуты очарования (август или начало сентября 1913 г.), продолжается бесконечностью любви...»

Однако Марина все в том же своем безудержном эгоцен-

тризме, который граничил с эгоизмом (а впрочем, почему – граничил? Был именно эгоизмом – самой высокой, золотой пробы!), отчего-то была уверена, что всякое проявление ее души не просто дорого человеку, живущему рядом с ней, но и восхищает его. Она наивно надеялась, что любовь – нет, уже страсть! – к родному брату мужа не оскорбит Сергея, а умилиет его. Однако он вовсе не был такой уж пушистой, мягкой игрушкой, какой она его себе представляла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.